

Ларионов Дмитрий

ЛИЛИТ

Безгранична ли твоя
фантазия?

Ларионов Дмитрий Лилит. Безгранична ли твоя фантазия?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22875657

ISBN 9785448370885

Аннотация

Как создать шедевр в борьбе с безумием? Существует ли разница между буквами Н и D в знаменитом знаке Голливуда? Откуда берется вдохновение и как им распоряжаться? Это не вопросы, ребята. Это мысли, бесконечной чередой преследующие главного героя книги – молодого писателя из Калифорнии, чья карьера давно находится на пике Большого Писательского Олимпа. Сравнительно небольшой и несравнимо выразительный рассказ о «преодолении» своего творческого потенциала.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лилит
Безгранична ли
твоя фантазия?
Ларионов Дмитрий

© Ларионов Дмитрий, 2017

ISBN 978-5-4483-7088-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Забудь всё, чему тебя учили в школе. Сотри из памяти университет. Не оставь места для близких и родных. Полное обновление. Идея. Всё, что мне сейчас нужно – идея. Ненавязчивая, простая мысль, которая изменит мою жизнь.

Странно: мысли так многочисленны и мимолётны, но идея выделяется. Это нечто большее. Конечная цель человеческого мышления. Был бы человек без идей? Думаю, нет. Найти идею, схватить своё подсознание за задницу – тут нужна концентрация. Внимание... Молодому успешному писателю внимание особо необходимо. Достиг бы я таких высот, будь я заурядным недописакой типа Боба Эллиота, чья газетёнка даже заголовки печатает с ошибками? Нет! Поэтому я здесь, а они там. Идея...

По какой-то причине мне кажется, что эта книга должна быть моим триумфом. Не важно, сколько романов я уже написал. Этот будет совершенным. Он вознесёт меня до самых вершин. Я верю.

Глава 1

Сколько времени? 9 утра. Прекрасно. Я снова пропустил свое любимое утреннее шоу. Танцующий недоумок с гигантской головой героя из детского мультика, то и дело приговаривающий: «Ты уже проснулся, мой маленький друг? Тогда танцуй с нами!». Да будет проклят тот день, когда педофилов пустили на телевидение. Безобидные детские передачи всеми силами унижают взрослое население – вот что я думаю. Пора вставать.

Это еще кто? Ах, да. Толкаю лежащую рядом девушку. Всегда любил брюнеток. Интеллекта явно не больше, чем у остальных, но по части удовольствий им нет равных. Они всегда знают, что тебе нужно. Удивительные создания.

– Проснись и пой, принцесса. Тебя как звать?

– Джесси. Мы встретились в баре вчера вечером. Ты не помнишь?

– Вас, чокнутых фанаток, всех не упомнишь. Виски? – улыбаясь, достаю свой односолодовый и готовлюсь встретить утро по полной программе.

– Ты всегда так тактичен с девушками? – она хмурит брови. Замечаю ее сходство с куклой Чаки.

– Исключительно в хорошем расположении духа, милая.

Потягиваю лучший из напитков, что бывали в моем доме. Чувствую прилив сил.

– В таком случае позавтракаем вместе? – девица не унижается.

– Обязательно, Джесси, но только после того, как ты соберешь свои вещи и уберешься из моего дома, – изображаю самую добродушную из всех улыбок.

– Почему ты такая скотина?! – она уже одевается. Девица не глупая. Да и бедра шикарные. Даже под приличным градусом у меня отлично развито чувство прекрасного. Иногда мне кажется, что вкус на женские округлости у меня развит сильнее инстинкта самосохранения.

Стараясь не отвлекаться на бушующую истерику моей гостьи, направляюсь в душ. Нужно избавиться от последствий вчерашнего вечера.

– ...человек, потеряешь время. А я им: «но он хороший. И пишет так красиво». Все только на бумаге, а на деле ты никчемный эгоист!

Я вообще в своем доме? Радует одно: практически слово в слово с предыдущей. Почему они так предсказуемы? Тут есть подвох, я уверен.

Как говорится, каждой сучке по кучке. Иначе никак, Блэки.

Последний штрих... Готово. Выхожу из ванной комнаты – клуша у выхода:

– Не так быстро, дорогая. Если я эгоист, то ты долбаная шлюха, иначе зачем такой девушке, как ты, прыгать в постель к первому встречному? – показательно осматри-

ваюсь, – учитывая все обстоятельства, к убитому в дерьмо неадекватному первому встречному. Завидела верняк и под крылышко подбиться решила? Ты – девочка взрослая и, вероятно, понимаешь, что пьяный дядя – не самый подходящий для доверия персонаж. Не знаю, что я наговорил тебе, принцесса, но это не был язык чистого сердца, это был язык грязного голодного члена. Пошла на такое – будь готова к риску. В таком деликатном деле важно планирование, а не наглый экспромт. И не надо пытаться разжалобить меня. Ты обделалась – тебе убирать.

– Они правы насчет тебя. У тебя нет сердца, – с этими словами она захлопнула за собой дверь.

Надо заканчивать с этими оголтелыми девицами. Никакой пользы.

Из соседней комнаты выходит Элвис. Мой сонный питомец подходит к своей миске и начинает жадно лакать воду.

– У тебя тоже сушняк, дружище? – я с улыбкой глажу ено-та.

Всегда хотел своего енота. Милая мордашка и бесконечная преданность – куда лучше ваших кошечек и собачек. И оригинальнее.

Достаю книгу. 9 месяцев. Не верится, что я почти ее закончил. Концовка оказалась тяжелее, чем все, что я написал. Для этой книги нужна правильная концовка, Блэки. Для правильной концовки нужно вдохновение. Для вдохновения нужно пожрать. Предельно простая схема любого писателя.

Решаю повременить с концовкой. Хороший конец как хорошее виски – должен настояться. Двусмысленно вышло. Надо добавить это в книгу. Позже.

– Нам нужен хороший завтрак, Элви, – с этими словами беру из холодильника кусок говядины и ставлю на огонь.

Завтрак вышел на славу. Никогда не устану смотреть, как ест енот-полоскун.

Сейчас мне нужен воздух. Свежий калифорнийский воздух благоприятно влияет на психику человека – Блэквуд Шайнер рекомендует. Годная вышла бы реклама. Честно сказать, не терплю уличную суету. Все торопятся, волнуются, отчего волноваться начинаю я и куда-то тороплюсь. Стадное чувство – еще одно доказательство того, что люди – обычные животные.

В кармане отчаянно шумит телефон – сообщение от Фроста. Напоминает мне о предстоящем интервью у Сэнди. Срать. У меня каникулы.

Заезжаю в ближайшую закусочную, беру пару на совесть сделанных бургера. Лос-Анджелес недаром зовут городом туристов – перед Рождеством особенно. Парки забиты до отвала. Зайдешь с одного конца парка – с другого вывалится очередной болван. Погода далеко не лётная, однако чувство праздника не пропадает. Говорят, ночью обещали дождь. Будем надеяться.

Смотрю вверх. Колесо обозрения тащит на себе толпу засранцев, оккупировавших наш чудесный город. Мой город.

В одной из кабинок вижу мальчугана. Мелкий в восторге. Вспоминаю себя в его годы. В то время мой разум только начинал формироваться, но уже тогда я понимал свое место в жизни. Я видел все иначе. Мне казалось, что мир крутится вокруг меня.

Сейчас я в этом уверен.

Глава 2

Вдохновение приходит только в минуты полного умиротворения. Умиротворение – вещь редкая. Но что, если умиротворение – тот же адреналин, только вызванный высокими чувствами, а не страхом или страстью? Теория показала свою пригодность многие годы назад. Тогда я только начал писать. Мысль приходит к тебе в минуты, никаким образом для этого не предназначенные. Хочешь жить – умей вертеться.

Кормлю Элвиса, после чего толстая морда решает пойти на боковую.

Ночь близится, Блэки. Пора.

Хвала синоптикам. Дождь скроет меня и мои грязно-высокие помыслы. Я должен туда попасть. Не для того знак Голливуда возводился, чтобы на него нельзя было взобраться. Это я как ценитель говорю. К тому же пару раз мне все же это удавалось. Главное – знать расположение камер наблюдения и полицейской будки. Будь они прокляты, эти жалкие охранники цивилизации. Возомнили себя защитниками мировой истории.

Все, что нужно сделать – подойти к забору, что ограждает легендарные буквы от добропорядочных горожан, и нашупать дыру, что я сделал в первую свою вылазку. Но забор – последнее дело. Сначала обходим кабинку с охраной и каме-

ры. Это сделать куда сложнее. В этом деле я бывалый: пара нехитрых движений – и забор передо мной. Меня распирает гордость – эти увальни так и не заметили моего самодельного лаза. Остальное – дело пары минут. И вот я здесь. Дождь, молнии, гигантские буквы, я и мой энтузиазм – лучшая компания на вечер.

Эта красота не сравнима ни с чем. Сердце бьется чаще. Я чувствую прилив. Вдохновение. Берем гром, молнии и риск быть обнаруженным – получаем полное безоговорочное умиротворение. Этому тебя не научат в школе. Поток идей. Не мыслей. Идей. И нужно поймать одну. «Всех не упомнишь». Вспоминаю утреннюю девицу. Мы бы сошлись. Но я – это я. И никто другой.

Поток прерывается. Что-то не так. Поворачиваю голову в сторону и вижу свое отражение. Темный силуэт, свисающий с опор буквы. Этого не может быть. И это не может быть охрана. Было бы забавно. «Поверните голову направо – перед вами обычные будни охранников исторического памятника». Нет. Это девушка. Она заметила меня. Что произойдет дальше, известно только самому Дьяволу. Начинаю спускаться. Неслышно оступаюсь, но благополучно спрыгиваю на землю. Она что-то кричит и указывает на меня пальцем. Надо бежать. Кем бы ни была эта девица, добра она мне не принесет. Только собираюсь пуститься наутек, замечаю охрану. Они стоят у полицейской кабинки. Высунули на крики свои хлебала, чтоб их. Девушка испарилась. Как

это возможно? Паника тут не поможет, Блэки. Они идут сюда. Заметят мой лаз – и мне несдобровать. Чувствую, что теряю контроль. Затаиваю дыхание. Дальше все зависит только от моей везучести.

Глава 3

Полицейский участок наводит на неправильные мысли. Как я мог попасться? Плохой день или собственная неосторожность? Концепция «Все или ничего» привлекает только наполовину. Получая «ничего», пытаешься от этого отгородиться. Слишком высока цена поражения. Но старина Блэки не из тех, кто сдаётся. Делай или умри.

– Блэквуд Шайнер, знаменитый писатель и не менее знаменитый в нашем округе правонарушитель, – жирная свинья, что все зовут капитаном, вертится вокруг меня с папкой в руках.

– Собственной персоной, офицер. Еще обвинения?

– Очень остроумно, мистер Шайнер. Вы и раньше привлекались к административной ответственности. Освежим память?

– Можно просто Блэки, капитан. Дерзайте.

– В списке ваших правонарушений, – щенячьи глазки бегают по листку в его руках, – безбилетный проезд на крыше междугороднего поезда; распугивание туристов на пляже макетом большой белой акулы; несанкционированное проникновение на колесо обозрения на пирсе Санта-Моника; многочисленные словесные оскорбления офицеров при исполнении в центре города, а также срыв баскетбольного матча местных команд с целью, цитирую: «сделать игру насы-

ценнее».

– Насчет последнего: я был пьян, а игра скучна. Я не мог себе отказать.

– Учтем. Так зачем вы пробрались в охраняемую зону, мистер Шайнер?

Потанцуем.

– Видите ли, кэп, это не просто охраняемая зона, это легенда, при виде которой даже у самого стойкого члена нашего просвещенного общества сердце стучит чаще, а кровь циркулирует интенсивнее. То, что недостаточно просто увидеть – это надо прочувствовать, – я приподнимаюсь и кладу руку на сердце. – Вы когда-нибудь чувствовали неиссякаемый прилив адреналина от осознания того, что перед вами предмет гордости многих и многих поколений, мощь цивилизации, скапливающаяся в полоске горизонта? Представьте, что вы летите. Чувствуете? Чувство полета гораздо важнее самого полета, капитан.

Руками показываю летящую птицу.

– Бьюсь об заклад, ваша жизнь скучна и однообразна, когда моя насыщена такими вот моментами. Я приобщаюсь к высокому, когда вы сидите тут и без конца мараете свои бумажки.

Руками показываю, как птица разбивается о землю.

– Но сейчас вы пристегнуты наручниками к столу, а я стою над вами, мистер Шайнер, – он явно не понял тему моего оscarовского спича.

Ох уж мне эти узколобые. Сменим тему, капитан Очевидность.

– Вы когда-нибудь бывали в перестрелках, офицер?

– Приходилось по роду службы, – идет на контакт – значит старается понять. Очко полиции штата.

– Что же вы чувствовали в те моменты?

– Страх, мистер Шайнер. За парней, стоящих рядом, за невинных, чьи жизни могли быть оборваны в непредсказуемой бойне.

– Вы бы отдали за них свою жизнь? – контрольный вопрос.

– Несомненно.

Ты сам себя приговорил, дружок.

– Как вы можете говорить о таких вещах, как самопожертвование и страх за близкого, когда вы неспособны понять прекрасное, вечное, коими и являются вышперечисленные чувства? Лжете или прикидываетесь – вот в чем вопрос. Если лжете – страх был, не спорю, но не за других, а за себя: вы боялись, что это произойдет на ваших глазах, что тихий семейный ужин вкупе с подобными воспоминаниями пройдет, мягко говоря, не на ура. Это ваш истинный страх. Если прикидываетесь – живете не своей жизнью. Вы – чья-то пешка, думающая одним, привычным образом. Вам в голову приходят мысли, которые даже не являются вашими. Независимо от вашей сущности вы считаете себя хорошим человеком – я это вижу. А что, если нет хороших и плохих? И вы ошибались всю сознательную жизнь? – я вытягиваюсь и ты-

каю его пальцем в грудь, чувствуя себя новым Заратустрой. – Я скажу вам, что нет хороших, нет плохих. Есть правильно, есть неправильно. Правильно – это то, что здесь, – указываю на его сердце, – неправильно – все оставшееся, – тыкаю его пальцем в висок, после секундной тишины резко оттопыриваю большой палец и «спускаю курок», он отдергивает мою руку. – Поэтому я могу чувствовать окружающую красоту в то время, когда вы слишком слепы, чтоб хотя бы ее увидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.